

На правах рукописи

РОДИН Евгений Викторович

**ГНОСТИЧЕСКИЙ ЭТОС
И НРАВСТВЕННАЯ МЕТАФИЗИКА
Л. П. КАРСАВИНА**

Специальность 09.00.05 – этика

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Тула 2006

Диссертация выполнена на кафедре философии и культурологии
Тульского государственного педагогического университета
им. Л. Н. Толстого

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Назаров Владимир Николаевич

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Фетисов Владимир Петрович,

кандидат философских наук
Михайлюкова Наталья Николаевна

Ведущая организация: Воронежский государственный
университет

Защита диссертации состоится «22» декабря 2006 г. в 14.00 часов на заседании регионального диссертационного совета ДМ 212.270.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата философских наук в Тульском государственном педагогическом университете им. Л. Н. Толстого по адресу: 300026, г. Тула, просп. Ленина, 125.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого.

Автореферат разослан «21» ноября 2006 г.

Автореферат размещен на сайте: www.tspu.tula.ru.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук,
доцент

М. Л. Клюзова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. На сегодняшний день ощущается острая необходимость в специализированном научном философско-этическом исследовании, посвященном гностическому христианству и его продолжателям в русской религиозной философии. Христианский гносис, являющийся составной частью христианства как одной из религиозных моральных доктрин, остается малоизученным. Отсутствие должного интереса к данной проблематике в отечественной научной литературе объясняется атеистической ориентацией отечественной науки в советское время и избеганием «еретических» тем со стороны религиозных авторов в постсоветский период. Более проработанными оказываются такие разделы христианской этики, как этика Библии (ветхозаветная этика и новозаветная этика), нравственное учение святых отцов, индивидуальная христианская этика. Гностическая традиция, долгое время воспринимавшаяся как нечто чуждое и даже враждебное по отношению к традиционному христианству, оказалась фактически на периферии научных исследований, а ее этос – непонятым и недооцененным. Гностический этос как научное понятие не встречается в работах предыдущих исследователей. Вместо него используются следующие относительно близкие понятия: «этика», «нравственность», «мораль». Однако ни одно из вышеназванных понятий не отражает специфики этоса как фундаментальной категории, определяющей экзистенциальный характер христианской гностической традиции. Об особой гностической морали говорить трудно, равно как и об особой гностической этике или нравственности, поскольку христиане-гностики не считали нужным писать объемные нравоучительные трактаты и сами не придавали большого значения нравственной стороне отношений (их в гораздо большей степени заботила проблема спасения, которое достигалось с помощью божественного откровения – гносиса). Учитывая экзистенциальный характер христианских гностических учений, наиболее удачным термином для характеристики нравственной составляющей гностической традиции является этос. Опираясь на 8 смыслов слова «гностический», предложенных М. Тардье, мы считаем возможным говорить о гностическом этосе не только в «историческом гностицизме» (прямой смысл в классификации Тардье), но и в целом в гностической традиции (психоло-

гический или экзистенциальный смысл). В нашем определении «гностический этос» является мировоззренческой парадигмой, определяющей нравственно-практическое своеобразие гностической традиции. Актуальным представляется изучение гностического этоса в нравственной метафизике Л. П. Карсавина, который являлся одним из наиболее талантливых и ярких исследователей гностической традиции в России. К сожалению, пока не было работ по данной тематике, а все предыдущие исследования были направлены на изучение либо метафизики Карсавина, либо гностических истоков его философии. Нравственная метафизика Л. П. Карсавина представляет большой интерес, поскольку философ оказался не только исследователем христианской гностической традиции, но и прекрасным теологом, сумевшим в рамках обновленческого богословия адаптировать этос «исторического гностицизма» для христианской этики. Л. П. Карсавин был одним из представителей традиции всеединства, у истоков которой стоял В. С. Соловьев. Вся традиция всеединства в той или иной степени была гностична, то есть испытывала влияние иудейского, христианского и собственно исторического или «лжеименного» гносиса. Карсавин не отрицал своей связи с гностической традицией. Ученик Л. П. Карсавина по лагерю Абези А. А. Ванеев сохранил свидетельства философа о том, что он сам признавал свою философскую систему гностичной. По образованию историк, Карсавин начал с изучения средних веков, а его первыми работами стали «Очерки религиозной жизни в Италии XII–XIII веков» (1912) и «Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках, преимущественно в Италии» (1915). Во второй работе (докторской диссертации) Карсавин продемонстрировал интерес не только к истории, но также к культуре и метафизике средних веков. В «Основах средневековой религиозности» Л. П. Карсавин исследует «пантеистическую мистику». Особый интерес у него вызывают следующие мистики: Иг, Бернард, Ришар, Бонавентура, а также Бёме, Экхарт, Эрнугена и Кузанский. В дальнейшем многие из этих мыслителей будут встречаться на страницах произведений Л. П. Карсавина, определяя характер его философствования. В 1919 году Карсавин публикует свою первую этическую работу «Saligia, или весьма краткое и душеполезное размышление о Боге, мире, человеке, зле и семи смертных грехах», в которой автор впервые задается гностическими вопросами, выходя за рамки ортодоксальной этики.

В 1922 году Л. П. Карсавин пишет ряд гностических по своему духу работ, посвященных не только отдельным этическим категориям в христианской культуре, но и этосу христиан-гностиков: «О свободе», «О добре и зле», «Глубины сатанинские», «София земная и горная. Неизданное гностическое сочинение», «Noctes Petropolitanae. Хотя Л. П. Карсавин не использовал словосочетание «гностический этос», его этическое определение гносиса вполне может быть отнесено и к его собственной философии. Поэтому мы имеем полное право говорить о гностическом этосе в нравственной метафизике Карсавина. Философ не копирует этос христианской гностической традиции, но преобразует его, приближая к традиции ортодоксального христианства. Обращение к этосу гностической традиции и к его развитию в нравственной метафизике Карсавина позволяет лучше понять христианскую культуру и ее этос, дать оценку «историческому гностицизму» и определить его значение для становления христианской этики.

Степень разработанности проблемы. Научное изучение «исторического гностицизма» началось сравнительно недавно – в XIX веке. Существуют и более ранние работы¹, однако массовое научное изучение гностицизма приходится на XIX век. В конце XVIII века научной общественности были представлены два кодекса гностических текстов, Codex Askewianus (большую часть которого занимает Pistis Sophia) и Codex Brucianus, названные в честь бывших владельцев – английского доктора и собирателя древних манускриптов Аскью (Askew) и шотландского путешественника Джеймса Брюса (James Bruce)². Появились научные работы, затрагивающие вопросы «исторического гностицизма»³, а к концу XIX века Codex Askewianus и Codex Brucianus были переведены и изданы на немецком⁴, французском⁵ и английском⁶ языках.

---

¹ *Gotfrid A. Unparteiischen Kirchen und Kerzerhistoric.*– 1677; *Massuet. Dissertations praeviae in Irenaei libros. Dissertatio (prior) de haereticis, quos libro primo recenset Irenaeus eorumque actibus, scriptis et doctrina.*– 1712.

² См. *Посное М.Э. Гностицизм II века и победа христианской церкви над ним.*– Брюссель, 1991.– С. X, XIV.

³ *Matter J. Histoire critique du gnosticisme. T. I–III.*– Paris, 1843; *Neander A. Allgemeine Geschichte der christlichen Religion und Kirche.*– Hamburg, 1843.

⁴ *Schmidt C. Gnostische Schriften in koptischer Sprache aus dem Codex Brucianus.*– Leipzig, 1892. Codex Askewianus был переведен и издан на немецком лишь в XX веке:

Собственно о возникновении западной научной традиции по изучению гностицизма принято говорить в связи с работами Р. Липсиуса⁷ и А. фон Гарнака⁸, видевшими в гностицизме эллинизирующее течение внутри христианства. Такая позиция совпадала со взглядами христианских ересиологов. Этической заслугой А. фон Гарнака было исследование гностической этики, в частности, этики Маркиона⁹. В XX веке среди зарубежных исследователей необходимо отметить Р. Бульмана, рассматривавшего гностическую мифологию в рамках экзистенциальной этики¹⁰. Г. Йонас (ученик Хайдеггера и Бульмана) также подчеркивал экзистенциальный характер гностической этики¹¹. В декабре 1945 года вблизи поселка Наг Хаммади (Хенобоскион) были обнаружены гностические тексты, повлиявшие на весь дальнейший ход научных исследований. Описание «исторического гностицизма» происходило в контексте экзистенциальной этики. Евангелие от Фомы стало одним из главных аутентичных источников гностической этики. На данный момент переведены все гностические тексты, однако многие из них нуждаются в языковом и философском комментировании. А. Ш. Пюзш продолжил экзистенциальный подход¹², отметив страх как главную составляющую человеческого существования в манихействе и «историческом гностицизме». Ф. Уиссе считал, что аскетическая этика является объединяющим фактором для текстов Наг Хаммади¹³. М. А. Уильямс переосмыслил значение аскетизма и либертиниз-

---

Schmidt C. Koptisch-gnostische Schriften. Erster Band. Die Pistis Sophia.— Die Bücher des Jeû. Unbekanntes altgnostisches Werk.— Leipzig, 1905.

⁷ *Amelineau M. E.* Πιστις Σοφία (Pistis Sophia), ouvrage gnostique de Valentin, traduit du Copte en Français avec une introduction (Les classiques de l'occulte).— Paris, 1895.

⁸ *Mead G. R. S.* Pistis Sephia. A Gnostic gospel (with extracts from the books of the Saviour appended) originally translated from Greek into Coptic and now for the first time englished from Schwartz's Latin version on the only known Coptic M. S. and checked by Amélineau's French version with an introduction.— London, 1896.

⁹ *Lipsius R. A.* Die Quellenkritik des Epiphanius.— Wien, 1865.

⁸ *Harnack A.* Lehbuch der Dogmengeschichte.— 1886.

⁹ Гарнак полагал, что Маркион не был гностиком. Эта позиция была оспорена Мидом (Mead) и Посновым.

¹⁰ *Bultmann R.* Das Evangelium des Johannes.— Göttingen, 1941.

¹¹ *Jonas H.* Gnosis und spätantiker Geist. Göttingen. Die mythologische Gnosis.— 1934.

¹² *Puech H.-Ch.* Le manichéisme. Son Fondateur. Sa doctrine.— Paris, 1949.

¹³ *Wisse F.* The Nag Hammadi Library and the Heresiologists.— Vigiliae Christianae 25. 1971. P. 205—223.

ма в гностической традиции¹⁴, а Р. Валантасис развил его идеи на основе Евангелия от Фомы¹⁵.

В России «исторический гностицизм»¹⁶ становится предметом научного изучения в конце XIX – начале XX века с появлением работ В. В. Болотова¹⁷ и В. С. Соловьева¹⁸. В. В. Болотов отмечает пессимистический характер гностической этики, а В. С. Соловьев говорит о фатальности мирового процесса в гностическом мировоззрении, что приводит к отрицанию всякой этики. Основной работой по гностицизму стала докторская диссертация проф. М. Э. Поснова¹⁹, превосходящая большинство других работ по количеству и качеству приведенной информации. М. Э. Поснов касается вопроса гностической этики в контексте всего гностического учения, выделяя два направления: строгий аскетизм и аморальный либертинизм. Главным объединяющим элементом для биполярной гностической этики является гностическая сотериология. А. Ф. Лосев, изучавший «исторический гностицизм» в рамках истории античной эстетики²⁰, указывал, что Поснов недостаточно отчетливо разграничил христианскую и гностическую сотериологию²¹. При этом для Лосева либертинизм является одним из главных признаков «исторического гностицизма», а о гностической этике не идет речи. М. К. Трофимова в своих работах²² предпринима-

---

¹⁴ *Williams M. A. Rethinking "Gnosticism": An Argument for Dismantling a Dubious Category. Princeton, NJ: Princeton University Press. – 1996. 335 p.*

¹⁵ *Valantasis R. Is the Gospel of Thomas Ascetical? Revisiting an Old Problem with a New Theory. Journal of Early Christian Studies 7.1. – 1999. P. 55–81.*

¹⁶ Речь идет именно об историческом гностицизме, поскольку можно еще вспомнить о масонском движении, начавшемся в России в XVIII веке и обращенном к другим источникам.

¹⁷ *Болотов В. В. Учение Оригена о Св. Троице. – СПб., 1879.*

¹⁸ *Соловьев В. С. Гностицизм // Собрание сочинений. Т. 9 (дополнительный). – СПб., 1907.*

¹⁹ *См. Поснов М. Э. Гностицизм II века и победа христианской церкви над ним. – Брюссель, 1991. (Первое издание данной работы выполнено в Кисеве в 1917 году).*

²⁰ *Лосев А. Ф. История античной эстетики. Т. VII. Кн. 1. – М., 1992.*

²¹ На наш взгляд, в этом замечании просматривается существенное различие в позициях: Поснов называет гностицизм «антихристианством» (См. *Поснов М. Э. op. cit. – С. V, VI*), однако у гностицизма «всегда можно и должно поучиться» (*Ibid. С. 801*). Лосев занимает более ортодоксальную позицию, отмечая сатанинский характер гностической мифологии.

²² *Трофимова М. К. Историко-философские вопросы гностицизма (Наг Хаммади, 11, сочинения 2, 3, 6, 7). – М., 1979. – С. 16–18, 57–58.*

ет текстологический анализ «исторического гностицизма», переводя и комментируя тексты из Наг Хаммади. Разбирая этическую сторону гностической мифологии, Трофимова тяготеет к экзистенциальному пониманию гностицизма, причем зло оказывается главной категорией, определяющей гностическое существование, зло имеет причинной низшего бога. Также следует отметить работы таких авторов, как А. Л. Хосроев²³, Р. В. Светлов²⁴, Е. В. Афонасин²⁵. В целом, отечественные исследования сильно отстают от зарубежных, особенно в плане философско-этического осмысления гностической проблематики.

К работам, не затрагивающим гностические истоки метафизики Л. П. Карсавина, относятся работы В. В. Зеньковского²⁶, Н. О. Лосского²⁷, Г. А. Веттера²⁸, сосредоточенные в большей степени на раннем периоде карсавинской философии. Наиболее всесторонний разбор философии Карсавина предпринял С. С. Хоружий²⁹, правда, обойдя вниманием гностические истоки метафизики Л. П. Карсавина. Многие для понимания жизненных истоков философии Карсавина дают записи его последнего ученика А. А. Ванеева³⁰, в которых говорится о том, что сам Карсавин признавал свою принадлежность к гностической традиции³¹. Свой вклад в комментирование и публикацию философского

---

²³ Хосроев А. Из истории раннего христианства в Египте (На материале коптской библиотеки из Наг Хаммади).— М., 1997.

²⁴ Светлов Р. В. Античный платонизм и александрийская экзегетика.— СПб., 1991.

²⁵ Афонасин Е. В. Античный гностицизм. Фрагменты и свидетельства.— СПб., 2002; Афонасин Е. В. Гнозис в зеркале его критиков: античный гностицизм в контексте платонической философии поздней античности // Историко-философский ежегодник.— М., 2002.— С. 176–212; Афонасин Е. В. Гностицизм второго века н. э.: Античные свидетельства.— Новосибирск, 1999.— 44 с.; Афонасин Е. В. Философия Климента Александрийского.— Новосибирск, 1997.

²⁶ Зеньковский В. В. История русской философии. Т. II, Ч. 2.— Л., 1991.

²⁷ Лосский И. О. История русской философии.— М., 1991.— С. 348–366.

²⁸ Веттер Г. А. Л. П. Карсавин // Русская религиозно-философская мысль XX века: Сб. статей. Под ред. Н. П. Полторацкого.— Питтсбург, 1975.— С. 251–261.

²⁹ Хоружий С. С. Карсавин и де Местр // Вопросы философии.— 1989.— № 3.— С. 79–92; Хоружий С. С. Лев Платонович Карсавин // Литературная газета.— 1989.— № 8, 22 февр.— С. 5; Хоружий С. С. Жизнь и учение Льва Карсавина // Карсавин Л. П. Религиозно-философские сочинения.— Т. 1.— М., 1992.— С. V–LXXXIII.

³⁰ Ванеев А. А. Два года в Абези. Наше наследие.— 1990.— № 3.— С. 75.

³¹ Ibid. С. 75.

наследия Карсавина внесли В. Н. Назаров³² и С. В. Мосолова³³. Соотношение этики и метафизики в философии Л. П. Карсавина разобрано в кандидатской диссертации А. Е. Митько³⁴.

Среди авторов, затрагивающих гностические основания метафизики Л. П. Карсавина, следует отметить кандидатскую диссертацию А. В. Дьякова³⁵ и прекрасное исследование И. И. Евлампиева³⁶. А. В. Дьяков рассматривает связь русской религиозной философии XX века с гностической традицией в рамках религиоведческого исследования. Л. П. Карсавину в исследовании А. В. Дьякова уделяется мало внимания, однако справедливо указываются основные гностические основания метафизики Карсавина. И. И. Евлампиев в своем масштабном исследовании русской метафизики уделяет значительное внимание гностическим истокам карсавинской метафизики. К сожалению, оба автора, сумевшие выделить гностические элементы в философии Карсавина, не рассмотрели карсавинскую этику. На данный момент наиболее полным исследованием представляется работа И. И. Евлампиева.

Объектом исследования является гностический этос в нравственной метафизике Л. П. Карсавина.

Предметом исследования являются основные категории гностического этоса и их взаимосвязь в «историческом гностицизме» и в нравственной метафизике Л. П. Карсавина.

Цель и основные задачи диссертационного исследования. Целью диссертационного исследования является этико-философский анализ «исторического гностицизма», являющегося одним из идейных источников метафизики Л. П. Карсавина, а также анализ нравственных составляющих гностического этоса в метафизике Л. П. Карсавина.

---

³² Назаров В. Н. «Каждый из нас в глубине своей есть София» // Вопросы философии. – 1991. – № 9. – С. 171–189.

³³ Карсавин Л. П. Св. отцы и учителя Церкви (раскрытие Православия в их творениях) / Предисл. и коммент. С. В. Мосоловой. – М., 1994. – С. 3–10, 170–176.

³⁴ Митько А. Е. Место этики в философии всеединства Л. П. Карсавина. Автореферат канд. дис. – М., 1998.

³⁵ Дьяков А. В. Гностицизм и русская философия (опыт историко-философского исследования). – Курск, 2003.

³⁶ Евлампиев И. И. История русской метафизики в XIX–XX веках. – СПб.: Алетей, 2000.

Цель диссертационной работы достигается посредством решения следующих исследовательских задач:

– рассмотрение гностического этоса в «историческом гностицизме» как одном из источников нравственной метафизики Л. П. Карсавина;

– исследование гностического этоса в нравственной метафизике Л. П. Карсавина;

– выявление категориальных соответствий в «историческом гностицизме» и в нравственной метафизике Л. П. Карсавина.

Методология диссертационного исследования определяется направленностью и характером исследования. Исходной методологической установкой нашего исследования является принцип объективного этико-философского анализа христианской гностической традиции в ее исторической форме и в нравственной метафизике Л. П. Карсавина. В этой связи одними из главных методов в данной работе оказываются методы текстологического и контекстного анализа гностических текстов, а также текстологический и контекстный анализ философских трудов Л. П. Карсавина, позволяющие дать оценку христианской гностической традиции, ее роли и месту в творчестве Л. П. Карсавина. В диссертационном исследовании используется метод категориального анализа, дающий возможность представить гностический этос в виде ключевых этических категорий, а также компаративистский, синхронический и диахронический методы, с помощью которых решаются проблемы соотношения и взаимосвязи категорий гностического этоса в «историческом гностицизме» и в нравственной метафизике Л. П. Карсавина. Структурная целостность и историческая последовательность изложения достигается с помощью хронологического метода.

Источниковую базу исследования составили переводы текстов ересиологов и христиан-гностиков, выполненные российскими учеными, отечественные и зарубежные исследования по «историческому гностицизму», работы Л. П. Карсавина и научная критическая литература. В качестве дополнительного эмпирического материала использовались различные публикации по данной тематике в научных изданиях, материалы научно-практических конференций и ресурсы Интернета.

Научная новизна исследования заключена в целостном анализе и реконструкции нравственной метафизики Л. П. Карсавина, выявлении гностического этоса как нравственно ориентированной мировоз-

зренческой парадигмы, тесно связанной с гностической традицией христианства, и в определении категорий гностического этоса. В диссертации дан анализ гностического этоса в нравственной метафизике Л. П. Карсавина. Гностический этос выражается в следующих категориях: «добро», «зло», «спасение», «разврат», «жизнь», «смерть», «грех», «любовь», «вера» и «мудрость». Сравнительный анализ данных категорий в «историческом гностицизме» и в нравственной метафизике Л. П. Карсавина указывает на тесную этическую связь философа с христианской гностической традицией, а этический анализ данных гностических категорий подтверждает их глубокую укорененность в ортодоксальной христианской культуре.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключаются в том, что результаты диссертационного исследования могут быть использованы при составлении и чтении спецкурсов по этике, религиозной философии и истории религий. Анализ гностического этоса в нравственной метафизике Л. П. Карсавина имеет определенное научное значение, поскольку позволяет по-новому взглянуть на становление и развитие русской религиозной этической мысли, а также на развитие православного богословия в XX веке.

Апробация материалов исследования осуществлялась в ходе выступлений автора на международных научно-практических конференциях «Россия и Гнозис», проходивших в Москве в 2003, 2004, 2006 гг., а также на круглом столе ««Евангелие от Иуды»: новые вызовы гностицизма» в Москве в 2006 г.

Материалы диссертации использовались автором в его педагогической работе при чтении курсов по этике, религиозной философии и истории религии на факультете искусств и гуманитарных наук Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого. Диссертация обсуждена на кафедре философии и культурологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В диссертационном исследовании установлено, что гностический этос – это мировоззренческая парадигма, определяющая нравственно-практическое своеобразие гностической традиции и реализующаяся в «историческом гностицизме» в свете ересиологических представлений о гностическом либертинизме и аскетизме.

2. На основе текстологического анализа нами установлено, что осознанный антиномизм христиан-гностиков истолковывался ересиологами как либертинизм, при этом либертинистический этос в большинстве случаев не находит подтверждения в гностических текстах.

3. Определено, что нравственная метафизика Л. П. Карсавина связана с гностической традицией, что выражается в таких категориях гностического этоса Карсавина, как «добро», «зло», «спасение», «разврат», «жизнь», «смерть», «грех», «любовь», «вера» и «мудрость». Данные категории используются автором в гностическом значении и имеют соответствия не только в системах различных гностических школ, но и в ортодоксальной христианской традиции.

4. Установлено, что гностический этос в нравственной метафизике Л. П. Карсавина оказывается синкретичным, объединяя в себе гностические и ортодоксальные элементы. Такая синкретичность определяется как личной экзистенциальной позицией философа, так и его попыткой адаптировать гносис для ортодоксального христианства.

Структура диссертации включает введение, две главы, шесть параграфов, заключение и библиографию.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность исследования, определяется степень разработанности проблемы, объект, предмет, цели и задачи исследования, методологические основания, осуществляется обзор источников, отображается научная новизна полученных результатов, их практическая значимость.

Первая глава «Понятие гностического этоса в «историческом гностицизме» посвящена определению гностического этоса и выявлению его этических категорий в «историческом гностицизме».

В §1 *«Гностический этос и либертинизм»* анализируется гностический этос и ересиологические свидетельства гностического либертинизма. Под «гностическим либертинизмом» понимаются примеры аморального поведения, сексуальную и прочую распущенность у ранних христиан, обычно называемых «гностиками». О гностицизме как христианской ереси сообщают следующие ересиологи: Иустин Философ (? – ок. 165), Ириней Лионский (ок. 150 – 200), Ипполит Рим-

ский (ок. 170 – 235), Тертуллиан (ок. 150 – 225), Климент Александрийский (ок. 150 – 215), Епифаний Кипрский (ок. 315 – 403) и другие. Этический анализ гностической мифологии возможен по работам Иринея Лионского (прежде всего, первая книга «Против ересей») и Ипполита Римского («Опровержение всех ересей»). Либертинистское направление в гностицизме подробно описано ересиологами, особенно Епифанием. Объектом этической рефлексии в данном случае оказываются Симон Маг, николаиты, сифианский гносис (сифиане, каиниты, карпократиане, ворвориты). Очевидно, что проблема гностического этоса в либертинистском направлении не столь однозначна, как это старались представить ересиологи. До сих пор ведутся споры о существовании либертинизма в «историческом гностицизме». Наибольшие трудности возникают в определении мотивов либертинистского поведения гностиков.

Нами показано, что гностический этос в либертинистском направлении представлен в следующих категориях: Симон и «симоняне» – категории: зависть, зло (незнание); гносис (знание, благо) – определяет спасение, свободу (от мира) и справедливость; христологический докетизм, связь с эпикурейством (эолология, идея свободы от мира) и поздним стоицизмом (антикосмизм), либертинистская интерпретация (крипто)софийной мифологии. «Николаиты» – категории: «злоупотребление плотью», разврат. Далее идет сифианский гносис. «Сифиане» – идея избранного рода, зло как «смешение родов»; предположительный либертинизм. «Каиниты» – категории: гносис (знание) – определяет спасение избранных (идея избранного рода), сила, смерть, вседозволенность (встречается также у киников и стоиков), отрицание ветхозаветной этики, предположительный либертинизм. «Карпократиане» – категории: спасение – через веру и любовь; добро и зло; справедливость («общность с равноправием»), либертинистская трактовка общности; противостояние ветхозаветной этике; связь со стоицизмом (категория безразличного – *adiaphora*); связь с эпикурейством (идея свободы от мира); предположительный «природный» либертинизм (зооэтика). «Ворвориты» – спасение через знание, культ семени, промискуитет; предположительный либертинизм.

Общим фактором выступает христианская мифология, к которой обращаются первые гностики-христиане. Либертинистское направление гностического этоса не единственное из заслуживающих внима-

ние, но с ним связано большинство стереотипов. Сакральная сторона гностических отношений свидетельствует об уходе гностиков от традиционной этики, что позволяет нам говорить об особом гностическом этосе.

§ 2 «*Гностический этос и аскетизм*». В данном параграфе диссертационного исследования проведен анализ гностического этоса в аскетическом направлении. Аскетизм был характерной чертой гностического этоса, но ересиологи считали гностиков своими врагами, а потому не могли признать даже наиболее очевидные факты аскетизма в гностической среде. Объектом этико-категориального анализа становится гностический этос Василида, Валентина, Маркиона Синопского, Апеллеса и Севера.

Гностический этос в аскетическом направлении представлен в следующих категориях: Василид и «валентиниане» – категории: грех, страсти, любовь, праведность, зло; связь с сифианским гносисом (установка на эзотеричность или избранность), связь со стоицизмом (категория мудрости – *phronesis*; «эгоизм собственной исключительности»); аскетизм Василида и предположительный либертинизм «василидиан». Валентин и «валентиниане» – категории: совместное спасение «по природе», «духовный брак», добро, зло, жизнь, смерть; связь со стоицизмом (три природы людей), связь с эпикурейством (уничтожение смерти или страха смерти); аскетизм Валентина и предположительный либертинизм «валентиниан». Маркион – категории: спасение, добро, зло, воздержность (*egkrateia*); отрицание ветхозаветной этики; аскетизм. Апеллес и Север – энкратизм, отрицание ветхозаветной этики.

В параграфе 2 мы делаем вывод о том, что гностический аскетизм имел свои особенности, среди которых следует отметить антииудаизм, перфекционизм, связь со стоической этикой и мифологичность. Более адекватная трактовка гностического этоса в аскетическом направлении возможна при обращении непосредственно к аутентичным гностическим текстам.

§ 3 «*Гностический этос в свете анализа гностических текстов*». В диссертационной работе проводится обращение к аутентичным гностическим произведениям с целью этико-категориального анализа гностического этоса и проверки ересиологических свидетельств. Либертинизм был одним из главных аргументов в антигностической полемике первых веков н. э. Долгое время (вплоть до середины XX века)

в исследовательской среде считалось хорошим тоном говорить о гностическом либертинизме как об одной из двух форм гностической нравственности. Такая позиция была зачастую конфессионально обусловлена и определялась относительной бедностью имевшихся в наличии гностических источников или излишним доверием к свидетельствам ересиологов. На сегодняшний день все выглядит иначе: свидетельства ересиологов отходят на второй план, а приоритет отдается аутентичным гностическим текстам. Почти ни одно из обвинений гностиков в либертинизме не находит подтверждения в гностических текстах. При анализе гностического этоса в аскетическом направлении удастся в большинстве случаев определить этические категории гностического этоса.

Первая глава диссертационного исследования завершается схемой-приложением, в которой дана система этических категорий гностического этоса в «историческом гностицизме», выявленных в результате этико-категориального анализа свидетельств ересиологов и аутентичных гностических текстов.

Вторая глава *«Нравственная метафизика Л. П. Карсавина»* посвящена этико-категориальному анализу гностического этоса в метафизической системе одного из наиболее талантливых представителей традиции всеединства Л. П. Карсавина. Вся традиция всеединства в той или иной степени была гностична, то есть испытывала влияние иудейского, христианского и собственно исторического или «лжеименного» гносиса. Карсавин никогда не отрицал своей связи с гностической традицией. А. А. Ванеев, ученик Л. П. Карсавина по лагерю Абези (в котором закончил свою жизнь Лев Платонович), написал о том, что Карсавин сам признавал свою философскую систему близкой к системам гностиков. Л. П. Карсавин не копирует гностическую традицию, а преобразует ее, приближая ее к христианству. Примечательно, что метафизика Карсавина оказывается созвучна его пониманию гносиса, а гностический этос в произведениях данного философа имеет ярко выраженный характер. Метафизическая система Карсавина, составляющая основу его гностического этоса, включает метафизику добра и зла, метафизику любви и метафизику смерти.

В § 1 *«Метафизика добра и зла»* диссертационного исследования проводится анализ гностического этоса в рамках рефлексии метафизики Л. П. Карсавина и его онтоэтического синтеза добра, онтоэтиче-

ского синтеза зла и гностического этоса «всеединого добра». Для Л. П. Карсавина категория добра оказалась одной из наиболее важных, поскольку именно на этой категории основана вся его гностическая метафизика. В данном случае мы обращаемся главным образом к работе «О добре и зле», опубликованной впервые в 1922 году, в которой в наиболее полном виде представлена метафизика добра и зла. Онтоэтический синтез добра заключается в попытке преодолеть противоречия между добром абсолютным и относительным, объективным и субъективным. Хотя в целом категория добра встречается у многих гностиков («карпократиане», Валентин, «валентиниане», Маркион Синопский), однако Л. П. Карсавин расходится с гностической традицией, обнаруживая некий субъективный (относительный) план добра. Карсавин отождествляет зло с незнанием, а для знающего человека зло – это ничто. Такая мысль вполне созвучна идеям многих гностиков, среди которых Симон Маг и «симониане», «карпократиане», Василид и «василидиане», Валентин и «валентиниане» и Маркион. Гностический этос добра и зла в системе Карсавина находит свое выражение в идее «всеединого добра», оказывающейся связанной с античной платоновской традицией и гностической традицией.

В § 2 «*Метафизика любви*» рассматривается гностическая составляющая карсавинского онтоэтического синтеза любви и гностический этос любви. Центральной работой по этой теме является «*Noctes Petropolitanae*», названная Карсавиным «метафизикой любви». Любовь – одна из главных категорий гностического этоса. Любовь встречается в этосе «карпократиан», Василида и «василидиан», Валентина и «валентиниан». Однако необходимо отметить, что понятие любви имеет различное значение в «историческом гностицизме» и традиционном христианстве. Если для «гностика» ключевым понятием является знание, то для христианина – любовь. Гностический этос любви в философии Карсавина оказывается довольно ярко выражен. Как показывает содержательный анализ гностического этоса любви, любовь гностическая оказывается близка любви христианской в своем моменте самоотдачи, на котором постоянно настаивает Карсавин. В какой-то степени гностическая традиция любви оказалась подхвачена традиционным христианством. Лев Платонович неплохо разбирался в «лжеименном гносисе», но он не был таким же знатоком, как М. Э. Поснов,

В. В. Болотов и Юлия Данзас. В результате гностический этос в метафизике любви Карсавина имеет христианизированный характер.

В § 3 «*Метафизика смерти*» производится исследование онто-этического синтеза смерти в метафизике Л. П. Карсавина, а также этико-категориальный анализ гностического этоса смерти. Смерть – ключевая категория христианской метафизики. Обозначив в своей «метафизике любви» единство жизни и смерти, Карсавин посвятил «Поэму о смерти» (главное произведение философа по метафизике смерти) христианской апологии смерти. Смерть оказывается ключевой категорией гностического дискурса «каинитов», Валентина и «валентиниан». Гностический этос в метафизике смерти Карсавина оказывается тесно связан с христианской традицией, ради которой Лев Платонович адаптирует (христианизировывает) этот гносис. Придерживаясь гностической парадигмы в самом начале, Карсавин постепенно переходит к христианской теологии смерти. Лев Платонович открыто критикует гностический докетизм, видя в нем угрозу христианству. Объектом критики Карсавина становятся также гностическое мироотрицание и понятие «Deus otiosus», что является вершиной христианизации гносиса. Вторая глава завершается сводной таблицей категорий гностического этоса в нравственной метафизике Л. П. Карсавина и их соответствий в гностическом этосе «исторического гностицизма». Такие соответствия обнаруживаются при сравнении следующих категорий гностического этоса: «добро», «зло», «спасение», «разврат», «жизнь», «смерть», «грех», «любовь», «вера» и «мудрость».

В **Заключении** подводятся итоги исследования, намечаются пути дальнейшей разработки проблемы.

Основное содержание диссертации изложено в следующих публикациях:

1. Концепция христианского эроса в Corpus Arceopagiticum и толковании на нее Максима Исповедника // Россия и Гнозис: Материалы конференции.– Москва: Рудомино, 2004.– С. 59–61. (0,1 п. л.).

2. Теософский гностицизм Василида: краткий обзор этических аспектов // Человек в социальном мире. Междисциплинарный научно-практический вестник.– Тула, 2006.– Выпуск 1.– № 16.– С. 33–35. (0,1 п. л.).

3. Гностический этос в аскетическом направлении (Маркион Синопский, Апеллес, Север) // Сборник материалов II научно-практической конференции аспирантов, соискателей и молодых ученых ТГПУ им. Л. Н. Толстого.– Тула: Изд-во ТГПУ им. Толстого, 2006.– Т. 2.– С. 96–103. (0,3 п. л.).

4. Гностический этос и нравственная метафизика Л. П. Карсавина // Вестник Белгородского университета потребительской кооперации.– Белгород, 2006.– Декабрь.– № 4 (20). (0,2 п. л.).

5. Родин Е. В. Гностический этос в либертинистском направлении.– М.: ВНИЦ, 2006.– № 50200600814. (1,4 п. л.).

6. Родин Е. В. Понятие любви в гностицизме и христианстве.– М.: ВНИЦ, 2006.– № 50200600815. (0,15 п. л.).

Подписано в печать 15.11.2006.

Усл. печ. л. 1,25. Уч.-изд. л. 1,0.

Тираж 100 экз. Заказ 06/156.

Отпечатано в Издательском центре ТГПУ им. Л. Н. Толстого.
300026, Тула, просп. Ленина, 125.